

РАДОСТЬ СОВМЕСТНОГО МУЗИЦИРОВАНИЯ, или Три месяца в концертных залах

Нелегкие времена переживает сегодня так называемая серьезная музыка (пользуюсь этим понятием за неимением лучшего, сознавая его условность). У филармонического концертного зала по меньшей мере два сильнейших конкурента: развлекательная музыка и грамзапись. В борьбе за слушателя концертный зал может успешно соперничать с ними, лишь противопоставив первому интересные программы, яркую интерпретацию произведений, умную и тонкую просветительскую работу, а второму – одухотворенность живого музицирования, неповторимую атмосферу воссоздания музыки «здесь и сейчас», которая побуждает слушателя стать сотворцом композитора и исполнителя.

И хотя силы пока явно неравны, есть на протяженной и изломанной «линии фронта» участки, где музыка филармонического плана одерживает обнадеживающие победы. Всегда полон зал Дома актера ВТО, когда там собираются члены молодежного музыкального клуба (председатель совета – кандидат искусствоведения, доцент А. Цукер). Многочисленную аудиторию в Малом зале филармонии собрал концерт пианиста И. Зетеля, профессора Уральской консерватории, автора трудов о музыке, энергичного пропагандиста музыкального искусства. Факт тем более примечательный, что в то же время рядом, в Большом зале выступал известный эстрадный певец.

Среди множества исполненных в течение января, февраля, марта произведений выделилась группа принадлежащих перу композиторов-романтиков: Паганини, Берлиоза, Брамса, Р. Штрауса, Малера. И дело здесь не только в юбилейных датах – 150-летие Брамса, 180-летие Берлиоза, 200-летие Паганини. Сейчас, в конце XX века, романтическое искусство популярно более чем, скажем, 20 лет назад. Недаром ведь говорят и о возрождении романтического начала в музыке наших дней.

Надо отдать должное составителям программ: звучали сочинения, для ростовского слушателя, особенно молодого, преимущественно свежие, незаигранные. Сказанное относится и к музыке нашего столетия (Стравинский, Бернстайн, современные эстонские авторы...)

Принципиальные удачи обозреваемой части сезона связаны с симфоническими и камерно-ансамблевыми концертами. Надолго запомнят слушатели вечер советских фортепианных квинтетов (малый зал РГМПИ, в программе – М. Вайнберг и А. Шнитке). Глубокой признательности и уважения заслуживает подвижнический труд и исполнительское мастерство педагогов института и артистов филармонии М. Черных, В. Петриченко, А. Рукина, Ю. Спиридонова и М. Щербакова, которые в условиях напряженной и

несовпадающей по графику основной работы сумели образовать единый творческий организм.

Истинное наслаждение доставило выступление квинтета духовых инструментов из Эстонии. Совершенное чувство ансамбля, чарующая чистота строя, ошеломляющая виртуозность, позволяющая музыкантам с нордической невозмутимостью, «играючи» преодолевать привычные рамки выразительных возможностей своих инструментов, интересный репертуар, серьезность творческих намерений, – всё это обеспечивает коллективу прочную славу одного из лучших в своей области.

Подумалось кстати: как жаль, что созданный было на базе нашего симфонического оркестра подобный ансамбль давно не появлялся на эстраде. Свой высокий класс ростовские солисты-духовики подтвердили на вечере, который хочется назвать парадом инструментальных концертов. Его программу, шедшую под управлением художественного руководителя и главного дирижера, заслуженного артиста РСФСР С. Когана, составили четыре произведения этого жанра, в том числе три – для духовых инструментов: Моцарта, Мильвида-Кренца, Смирновой. Солировали В. Хлебников (гобой), лауреат всесоюзного конкурса А. Маркович (туба), лауреат международного конкурса В. Лавриков (кларнет).

Симфоническому оркестру филармонии довелось выступать под руководством четырех гастролирующих дирижеров. Ю. Николаевский, заслуженный артист БССР В. Катаев, заслуженный артист ЧССР Р. Элишка и народный артист РСФСР Г. Проваторов – опытные, талантливые музыканты, обладающие индивидуальным творческим почерком. Не боясь преувеличения, скажу: каждый из них «заставил» оркестр пережить звездные часы.

Сколько бы ни говорилось о дирижировании, искусство управления большим исполнительским коллективом подернуто дымкой волнующей тайны. Как удается человеку во фраке при помощи условных жестов, мимики и устных комментариев (на репетиции) воодушевить, эмоционально заразить одновременно несколько десятков музыкантов, внушить им свою творческую волю? Однако непреложен факт: у хорошего дирижера всё это получается, и под палочкой того или иного маэстро один и тот же оркестр «ведет себя» по-разному.

В интерпретации Катаева песенная Четвертая симфония Малера прозвучала с чистосердечной простотой, сквозь которую, однако, отчетливо проступало этико-философское содержание, острота вечных тем человечества: жизнь – смерть – бессмертие, добро и зло. Превосходно солировала москвичка Н. Розанова (сопрано), владеющая чистым и строгим звуковедением, безукоризненной фразировкой, точно ощущающая колорит немецкого языка в музыкальном его воплощении.

Труднейшую «Фантастическую симфонию» Берлиоза блестяще провел Проваторов. Мастеру крупной формы, много лет отдавшему работе в оперных театрах (в свое время он руководил постановкой оперы Берлиоза «Бенвенуто Челлини»), ему, бесспорно, близка эта музыка с ее романтическим пафосом, повышенным «градусом» эмоций, декоративностью оркестровых красок, ослепительными контрастами по-театральному броских образов. Порадовало, в частности, стройное, уверенное и без крикливости мощное звучание медной группы, значительно расширенной в партитуре.

Николаевский – артист иного плана. Его стихия – малый оркестровый состав, музыка детализированного штриха. Невероятно скрупулезный, придирчивый в репетиционной работе, он добивается от коллектива тонкой нюансировки, ювелирной шлифовки каждого элемента музыкальной ткани. Вторая симфония Брамса, эта, по словам Соллертинского, «гениальная пастораль, овеянная поэзией старой Вены», многими своими качествами соответствует складу дарования Николаевского, главным образом, теми чертами камерности, которыми наделен симфонический стиль немецкого мастера. И хотя местами недоставало более широкого мелодического дыхания, а во 2-й части проскальзывали ансамблевые и интонационные погрешности, исполнение симфонии заслуживает самой высокой оценки.

В концерте, которым дирижировал наш гость из Чехословакии Элишка, наибольшее впечатление произвела интерпретация «Римского карнавала» Берлиоза. Относительно небольшая пьеса прозвучала на едином дыхании, красочно и по-настоящему празднично.

Минувшие три месяца концертной жизни в Ростове еще раз убеждают в простых истинах. Если музицирование доставляет наслаждение самим исполнителям, если они не просто играют «вместе», но достигают психологического контакта (ансамблисты – друг с другом, оркестр – с дирижером), то обязательно возникает контакт между артистами и аудиторией. Контакт, столь ценный по обе стороны рампы.

Комсомолец. 1983. 07 апр.